

Персий Флакк Авл

Сатиры Персия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф69

Ф69 **Флакк Авл П.**
Сатиры Персия / Персий Флакк Авл – М.: Книга по Требованию, 2024. – 47 с.

ISBN 978-5-521-27793-3

ISBN 978-5-521-27793-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

САТИРЫ ПЕРСІЯ.

Читателю.

Для людей, требующихъ отъ поэта прямолинейности и непрерывно логической послѣдовательности, чтеніе Персія или представляетъ наилучшую школу, приучающую по полунамеку слѣдовать за неожиданными капризами поэта, или же становится совершенно невозможнымъ, и имъ придется воскликнуть со старымъ филологомъ: „*si non vis intelligi, non debes legi*“ — „если ты не хочешь, чтобъ тебя понимали, то не слѣдуетъ тебя и читать“.

Прилагая самое необходимое для пониманія текста Персія, не можемъ не указать желающимъ болѣе широкаго съ нимъ знакомства на почтенный и серьезный трудъ Н. М. Благовѣщенскаго: Сатиры Персія. С.-Пб. 1873.

Прологъ.

Въ ключѣ я консомъ губъ своихъ не омывалъ
И на двухглавомъ тожъ Парнасѣ сновъ такихъ
Не помню, чтобъ такъ поэтомъ выйти вдругъ,

Содержаніе: Я не пилъ вдохновительныхъ струй Иппокрены и (ст. 5) предоставляю названіе поэта тѣмъ, которыхъ бюсты увиты поэтическимъ плющемъ; а самъ (ст. 6), *получужой* дѣлу поэзіи въ качествѣ сатирика, дидактика, являюсь со своею цѣнью. Слѣдующаго (ст. 8) нѣтъ причинъ относить къ самому поэту; онъ хочетъ только сказать: мало ли бываетъ побужденій къ не призванному стихотворству, начиная съ самыхъ низменныхъ, напримѣръ, требованій желудка.

Ст. 1. Предназначенно комическое опредѣленіе Иппокрены съ прямымъ намекомъ на Эннія, который, подобно Гезіоду, хвалился тѣмъ, что пилъ изъ ключа,

- И Геликонянокъ съ Пиреной блѣдною
5. Предоставляю тѣмъ, которыхъ лики плющъ
Ласкаясь обогнулъ; а самъ получужой
Въ святилище пѣвцовъ я пѣснь свою вношу.
Кто попугая вызвалъ хаїре говорить?
Кто нашу рѣчь пытаетъ сороку научилъ?
10. Искусства мастеръ, возбудитель силъ ума,
Желудокъ дошлый чуждыхъ звуковъ намъ искать.
Коварныхъ денегъ лишъ надежда проблеснетъ,—
Поэтовъ-вороновъ и поэтессъ-сорокъ
За нектаръ Пегазейскій пѣнье ты сочтешь.

Сатира первая.

О вы заботы людей! О сколько въ дѣлахъ ихъ пустаго!
„Кто жь это станетъ читать?“ „Меня-то? Никто“. „Ни
единый?“

вышибленнаго копытомъ Пегаса, и затѣмъ, заснувъ на горѣ Музъ—Парнасъ, видѣлъ во снѣ Гомера, посвятившаго его воспѣть величіе римскаго народа. Подобное же мѣсто у Проперція, кн. III, элег. 3, ст. 1—2:

Мнѣ привидѣлось, что лежу я въ тѣни Геликона.

Тамъ гдѣ добыта вода Беллерофонта конемъ.. .

4. *Геликонянки*—музы. *Пирена*—ключъ въ Коринеской крѣпости въ Пелопоннесѣ, истекшій по преданію, изъ слезъ, пролитыхъ Пиреною, дочерью Ахелоя, надъ сыномъ ея Кенхріемъ, нечаянно убитымъ Діаной на охотѣ. Такъ какъ на этомъ мѣстѣ Беллерофонтъ укротилъ Пегаса, то самый источникъ былъ посвященъ музамъ. Пирена названа *блѣдною* въ смыслѣ водянаго отблеска, и излишне съ нѣкоторыми толкователями понимать этотъ эпитетъ въ отдаленномъ значеніи: заставляющая блѣднѣть поэтовъ надъ усидчивымъ трудомъ.

5. *Плющъ* (см. Горація, Оды I, 1, 29) былъ посвященъ Вакху и Аполлону и потому считался украшеніемъ пѣвцовъ. Въ императорское время лики современныхъ модныхъ поэтовъ стояли въ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ увѣнчанные плющемъ, что въ особенности льстило мелкимъ литературнымъ дарованіямъ.

8. Попугай и сороки скорѣе всего научаются твердить обычное привѣтствіе: „здравствуй“ (*хаїре*),—„хотя звуки этого привѣтствія для нихъ на столько же чужіе, на сколько стихи, порожденные въ устахъ писателя не призваніемъ, а подражаніемъ.“

Содержаніе: Въ подражаніе сатирамъ Горація, поэтъ выводитъ воображаемаго оппонента, съ которымъ завязываетъ разговоръ о современномъ положеніи стихотворства, когда (ст. 2) никто не станетъ читать чего-либо серьезнаго, а всѣ хлопочутъ (ст. 5) изъ-за первенства въ общественномъ мнѣніи, хотя (ст. 7)

„Двое лишь или никто. Позорно и жаль“. „Почему же?

Какъ бы Полидамантъ и Троянки мнѣ Лабеопа

5. Не предпочли? Пустяки!—Коль смутный что Римъ превозносить,
Ты за тѣмъ не ходи, не справляй невѣрную стрѣлку

знаютъ его неосновательность, такъ какъ сама гражданская жизнь (ст. 10), при серьезномъ взглядѣ на нее (ст. 12) возбуждаетъ только хохотъ своею уродливостью (ст. 13). Каждый претендуетъ на созданіе чего-либо гениальнаго, чтобы (ст. 15), одѣвшись щеголемъ, прочесть свое произведеніе публично; и дѣйствительно, избалованное общество, неспособное идти глубже вѣшняго лоска стиховъ, по видимому, трогается ихъ гармоніей (ст. 22). Такимъ образомъ самъ дряблый стихотворецъ надѣется овладѣть вниманіемъ слушателей (ст. 24). На это оппонентъ возражаетъ, что и учимся мы для того, чтобы похвастать передъ другими. Поэтъ (ст. 30) отвѣчаетъ изображеніемъ модно сюсюкающаго пресыщенія современныхъ богачей (ст. 40). Оппонентъ замѣчаетъ поэту, что онъ и самъ не прочь отъ желанія написать безсмертное произведеніе. Соглашаясь съ этимъ (ст. 45), поэтъ указываетъ на безсодержательность современной похвалы, такъ какъ она исходитъ отъ изнѣженныхъ патриціевъ, занятыхъ (ст. 53) роскошью стола и низкопоклонствомъ своихъ бѣдныхъ кліентовъ, хотя и кричатъ, что любятъ слышать правду. Такія избалованные люди въ самомнѣніи своемъ (ст. 62) проживаютъ вѣкъ слѣпыми и не замѣчаютъ, что даже уличные мальчишки за ихъ спиной передразниваютъ ихъ. Что касается до общаго народнаго приговора, то послѣдній ограничивается одною оцѣнкой вѣшной отдѣлки. Одностороннее увлеченіе риторическими тонкостями доходитъ до того, что даже на судѣ защита сѣдаго старика (ст. 83) сама по себѣ становится дѣломъ второстепеннымъ въ сравненіи съ своею формою, и (ст. 85) вору за ученныя антитезы защиты публика кричитъ: „славно!“ (ст. 87). Нельзя трогать сердца неискреннимъ пѣснопѣніемъ. Вслѣдъ за примѣрами (ст. 93 и 99) безсодержательно напыщенныхъ стиховъ, оппонентъ (ст. 108) замѣчаетъ поэту, какъ бы своею правдой онъ не преградилъ себѣ доступа къ знатымъ. На это поэтъ говоритъ, что согласенъ (ст. 111) считать всѣхъ совершенными и дивомъ созданія, и пускай только (ст. 112) укажутъ на то, чего не слѣдуетъ касаться, то онъ готовъ этого не трогать. Если прежніе (ст. 115) сатирики невозбранно выводили недостатки даже друзей, то почему же ему не посмѣяться надъ недостатками современниковъ? Этотъ смѣхъ свой (ст. 122) поэтъ цѣнитъ выше всего. Пусть (ст. 126) дѣйствительно устыдится своихъ недостатковъ читатель, но не такой, который считаетъ себя компетентнымъ судьей только потому, что былъ когда то въ провинціи мелкимъ полицейскимъ чиновникомъ. Для подобныхъ читателей (ст. 134) есть своя литература.

1. Поэтъ декламируетъ предполагаемому собесѣднику стихъ, заимствованный изъ сатиръ Луцілія: „О, вы, заботы“ и т. д., на что тотъ спрашиваетъ: кто же станетъ читать подобныя жалобы?

4. Въ чувствѣ собственнаго достоинства поэтъ считаетъ пустяками общественное мнѣніе, выражаемое какимъ-нибудь Полидамантомъ или болтливыми женщинами, пересуда которыхъ страшился когда-то самъ Гекторъ (Ил., XXII,

- Этихъ вѣсовъ и себя помимо себя не ищи ты.
Ибо кто жъ въ Римѣ? увы, еслибъ можно сказать! но вѣдь можно;
Тутъ, какъ на сѣдины, на жизнь печальную нашу
10. Глянешь, что дѣлаемъ мы такое, покинувъ орѣхи,
Скорчивъ дядюшекъ; тутъ простите, ужъ тутъ—не желаю.
Что же мнѣ дѣлать? советъ своевольная печень на хохоть.
Пишемъ мы, этотъ—тѣснясь въ размѣрахъ, тотъ—вольною прозой
Нѣчто великое, чѣмъ задыхается легкое, ширясь;
15. Вѣдь же ты это прочтешь, причесавшись, народу и въ новой
Тогѣ, своимъ наконецъ имениннымъ блестя сардониксомъ,
На возвышеніи сидя и подвижное горло промывши
Жидкимъ бальзамомъ, томясь похотливо взирающимъ окомъ.
Тутъ и по нравамъ плохихъ и съ голосомъ хриплымъ увидишь
20. Тита могучихъ дѣтей дрожащими, только что въ чресла
Пѣсня пройдетъ, и нутро стихи задрожавшіе тронутъ.
Ты ль, старикашка, тутъ снѣдь для чужихъ ушей собираешь?
Для ушей, коимъ, самъ весь пропащій, воскликнешь ты: полно!“
„Что и учиться, когда закваска иль скрыто врожденный

99—107). Напрасно схоластъ считаетъ Лабедона, которому подставляетъ имя Акція или Аттія, тѣмъ плохимъ переводчикомъ Иліады, о которомъ говорится ниже (ст. 50), такъ какъ о такомъ переводчикѣ Иліады нигдѣ ни упоминается, и Персій тщательно избѣгаетъ всякихъ указаній на личности. Поэтому вѣроятнѣе предположить, что имя Лабедона заимствовано у Горація (Сат., I, 3, 82), гдѣ подъ нимъ выставленъ пустой человѣкъ. На такомъ же основаніи нельзя подъ тупымъ критикомъ Полидамантомъ подразумѣвать Перона.

7. Вѣсовъ общественнаго мнѣнія.

8. *Ибо кто жъ въ Римѣ?* На этихъ словахъ поэтъ обрываетъ свою мысль, которую окончательно высказываетъ ниже въ стихѣ 121.

11. Дяди у древнихъ считались представителями строгости (Горація Оды, III, 11, 3. Сат., II, 2, 97; 3, 88).

15. Для публичнаго чтенія стихотворецъ не забываетъ никакихъ внушительныхъ подробностей, начиная съ прически и новой тоги.

16. *Сардониксъ*—камень, родственникъ ониксу и сердолику, украшенный рѣзбою, высоко цѣнился въ перстняхъ; стихотворецъ, красовавшійся въ немъ только въ день своихъ именинъ, не забываетъ его при публичномъ чтеніи.

20. *Тита могучихъ дѣтей.* Этимъ именемъ поэтъ обзываетъ Римлянъ по сабинскому царю Титу Тацію, который нѣкогда царствовалъ совмѣстно съ Ромуломъ.

24. Противникъ, говоря, что не стоитъ учиться только для себя, уподобляетъ стремленіе къ публичности, съ одной стороны, закваскѣ, постоянно овладѣвающей жидкостью, а съ другой—дикой смоковницѣ, которая, засѣвъ въ трещинѣ стѣны или подъ каменною плитою, со временемъ вырывается наружу, разрушая самую стѣну или камень.

25. Дикой смоковницы стволъ не выскочить, печень прорвавши?“
Блѣдность и старость-то вотъ! О, правы! Ужели и въ правду
Знанье твое ни во чтѣ, коль другой, чтѣ ты знаешь, не знаетъ?—
„Но хорошо, какъ перстомъ насъ укажутъ и вымолвятъ: вотъ онъ!
Или же быть образцомъ для сотни кудрявыхъ считаешь
30. Ты ни во что?“ Посмотри за бокалами сытныя внуки
Ромула ищутъ узнать, что въ божественныхъ сказано пѣсняхъ.
Тутъ въ накидкѣ иной на плечахъ подъ цвѣтъ гіацинта
Что-то прокислое въ носъ говоритъ, про Филлиду картавя,
Про Гипсифилу, про все, чтѣ грустнаго есть у поэтовъ,
35. Цѣдить, уродуя самъ слова изнѣженнымъ нѣбомъ.
Мужи воздали хвалу—иль пепелъ поэта несчастливъ
Нынѣ? Не легче ль теперь гнететъ его кости и камень?
Хвалятъ всѣ за столомъ, ужели изъ манъ его нынѣ,
Изъ могилы его и блаженнаго праха фіалки
40. Не родятся? „Вотъ ты, говоритъ, смѣешься и слишкомъ
Носъ задирать свой готовъ; а кто жъ отказаться захочетъ
Говоръ толпы заслужить и, изрекши достойное кедра,
Пѣсни оставить, чтобъ ихъ ни макрель не страшила, ни ладонъ?“

29. *Для сотни кудрявыхъ*—стать образцомъ для школьниковъ.

32. Отступая отъ обычной бѣлой тоги изъ некрашеной шерсти, модники временъ имперіи въ торжественныхъ случаяхъ носили пурпуровыя накидки даже съ голубоватымъ оттѣнкомъ подъ цвѣтъ гіацинта. Такой модникъ старается воспроизводить грустныя греческія преданія, напримѣръ, про *Филлиду*, дочь Оракійскаго царя Ситона или Ликурга, которая влюбилась въ Демосоонта, сына Тезея, когда тотъ при возвращеніи изъ Трои былъ занесенъ въ ихъ городъ. Демосоонтъ обѣщалъ взять ее съ собою въ назначенный день, но по обстоятельствамъ не могъ сдержать слово. Считая его измѣнникомъ, Филлида повѣсилась, но боги превратили ее въ миндальное дерево, которое, когда возвратившійся Демосоонтъ его обнялъ, пустило листья.

34. *Гипсифила*, дочь Тоаса, царица Лемноская, влюбилась въ Язона, когда онъ съ Аргонавтами присталъ къ берегу острова, и родила ему двухъ сыновей. При отъѣздѣ измѣнника она сокрушалась и послѣ многихъ трагическихъ приключеній продана была морскими разбойниками Оиванскому царю Лику, который представилъ ее нянькою къ сыну своему Офелту.

41. Кедровыя ящики и масло предохраняли книжныя свертки отъ разрушительной моли.

43. Рыба *макрель* и *ладонъ* здѣсь вообще вмѣсто мелочнаго товара, который обыкновенно завертываютъ въ негодныя рукописи. Такъ Гораций (Посланія, II, 1, 269—270) говоритъ:

Не попасть мнѣ на улицу, гдѣ души продаются,
Ладонъ, перецъ и все, что дрянной облекаютъ бумагой.

- Кто бы ты ни былъ, кого я поставилъ противникомъ въ спорѣ,
45. Я вѣдь, когда напишу, и если что дѣльное выйдетъ—
Птица хотъ рѣдкая-то,—но если что дѣльное выйдетъ,
Не испугаюсь похвалъ, у меня не изъ рога же фибры;
Но за конечную цѣль не приму я дѣла прямого
„Славно“ и „чудно“ твое. Повытряси все это „чудно“:
50. Что въ серединѣ въ немъ есть? Не Аттія ль тутъ Иліонка,
Что отъ чемерки пьяна? Не элегіи ль тощія сытыхъ
Произведенье вельможъ? Не то ль, что на ложѣ изъ цитра
Пишется часто? Подать горячее вымя ты ловокъ,
Ловокъ истертый хитонъ подарить дрожащему другу,
55. И „я правду люблю“, кричишь,—„говорите мнѣ правду“
Точно ли? хочешь—скажу? ребячишься только ты, лысый,
Какъ животъ у тебя въ полтора подымается фута.
О, ты, Янусъ, за кѣмъ не защелкаетъ аистъ съ затылка,
И бѣлесыхъ ушей не представить рука подвижная,
60. Нѣтъ и такихъ языковъ, какъ въ зной у апульской собаки!
Вы жъ, о, патриціевъ кровь, которымъ прилично съ затылка
Такъ слѣпыми и жить, страшитесь кривлянія сзади!
Что же народъ говоритъ? Что жъ, кромѣ того, что вотъ пѣсни
Плавно и мѣрно теперь потекли, что доскъ ихъ сліянья
65. Строгимъ не сдаются ногтямъ? Умѣетъ-де вытянуть стихъ онъ,

46. *Рѣдкая птица*—поговорка. См. Ювенала VI, 165. VII, 202.

51. *Чемерка* считалась средствомъ противъ сумасшествія.

52. Послѣ обильной трапезы, вельможа, возлегши на ложе изъ выписнаго цитроваго дерева (см. Проперція III, 7, 49—50:

А на кровати изъ цитра или терпентина, что выросъ
Въ Орикѣ, онъ бы чело пухомъ цвѣтнымъ подпиралъ),

— диктуетъ своему рабу стихотвореніе.

53. Твое дѣло задобрить поклонниковъ вкуснымъ блюдомъ да старымъ платьемъ.

55. Хотя ты и кричишь, что любишь правду.

56. Лысина и большой животъ здѣсь вывѣска тупоумія.

57. Обращенія къ Янусу, владѣющему передъ подобнымъ знатнымъ преимуществомъ быть съ двумя лицами, такъ что не возможно спереди имъ восхищаться, а съ затылка строить кривлянія, какъ это дѣлаютъ мальчишки, подражая шелканью аиста, или изображая руками ослиныи уши, или (ст. 60) высывавая языкъ на столько, на сколько не высунетъ его въ зной и апульская собака.

65. Сравненіе, заимствованное отъ приѣма ваятеля, который проводитъ ногтемъ по готовому мрамору, чтобы удостовѣриться въ оконченной гладкости изваянія, здѣсь переносится на стихи.

Словно бы, глазъ онъ одинъ прищуря, велъ красную мѣтку;
Нужно ль о нравахъ сказать, о роскоши, царскихъ трапезахъ,
Великолѣпныхъ вещей поэту дать нашему муза.

Вотъ мы видимъ, что вдругъ за геройскія чувства берутся

70. Тѣ, что привычны болтать по гречески, но не умѣютъ
Рощи представить, воспѣть благодатныхъ полей, гдѣ кошницы
И очагъ со свиньей, и Палиліи въ дымѣ отъ сѣна,
Ремъ отколь и въ браздѣ сошники отирающій Квинктій,
Перець волами кого къ дидактурѣ одѣла супруга,

75. Ликторъ же въ домъ твой плугъ возвратилъ;—превосходно,
поэтъ мой!

Есть ли такой, чтобъ его Бризеидой жилистой Аттій,
Есть ли, чтобъ тронулъ его Пакувій и вся въ бородавкахъ
Антіопа, „плачевное сердце простерто на скорби“?

Этихъ подслѣпныхъ отцовъ, вливающихъ дѣтямъ уроки,

80. Видѣвши,—спросишь ли ты—откуда пустое болтанье
На языки забралось, откуда та гадость, при коей
Гладенькій щеголь тебѣ на скамейкѣ восторженно скачетъ?

72. Ежегодно двадцать-перваго апрѣля, въ день основанія Рима, справлялись Палиліи въ честь сельской богини Палесы. Зажигались кучи сѣна, и земледѣльцы въ символъ очищенія отъ заразъ прыгали черезъ огонь.

73. *Квинктій*—Цинциннатъ, исходящій со всею первобытною мощью римскаго духа изъ простой земледѣльческой среды, которую современный модный поэтъ и описать не умѣетъ.

76. *Бризеида*—вѣроятно, заглавіе одной изъ не уцѣлѣвшихъ трагедій римскаго поэта Акція. Ничтожный поэтъ не умѣетъ даже оцѣнить мощной, хотя и устарѣлой (жилистой) книги Акція.

77. Трагедія Пакувія—*Антіопа*, по мнѣнію Тейфеля, представлена въ бородавкахъ для обозначенія слабыхъ и неязанныхъ мѣстъ.

78. „*Плачевное сердце простерто на скорби*“—относится къ горестной судьбѣ Антіопы, дочери Фиванскаго царя Никтея, въ которую влюбился самъ Юпитеръ. Чтобы скрыть отъ грознаго отца послѣдствія своихъ отношеній къ богу, она бѣжала къ царю Сикіонскому Эпопею. Никтей, считая послѣдняго соблазнителемъ дочери, пошелъ на него войною, и сраженный завѣщалъ передъ смертью брату своему Ликсу отмстить за осрамленіе рода. Поэтому Сикіонъ былъ взятъ, и Антіопа уведена въ рабство. Дорогой въ хижинѣ у горы Цитерона между Беотіей и Аттикой у ключа Азопа она родила двухъ близнецовъ: Цэтъ и Амфіона (будущихъ строителей Фиванской крѣпости), которыхъ принялъ и воспиталъ пастухъ. Тѣмъ временемъ Ликъ влюбился въ Антіопу, вслѣдствіе чего ревнивая его супруга Дирка жестоко мучила несчастную, принудивъ ее наконецъ бѣжать на Цитеронъ. Сначала дѣти не признали своей матери, но убѣжденные доводами пастуха они дали быку растрепать жестокую Дирку. Цэтъ привелъ казнь въ исполненіе, а Амфіонъ, сидя на скалѣ, воспѣлъ побѣдную пѣснь.

- Или не стыдно, что гнать отъ сѣдой головы ты не въ силахъ
Бѣдѣ, пока не пришлось тепловатаго слышать: прекрасно?
85. Педій, ты воръ, кричить; что жъ Педій? Вину въ антитезахъ
Чистыхъ онъ взвѣшивать сталъ, его за ученые тропы
Хвалятъ: вотъ славно! Уже ль это славно? Виляешь, мой Ромуль?
Тронетъ ли пѣснью меня претерпѣвшій крушенье, чтобъ далъ я
Ассъ? Ты поешь, а себя написаннымъ съ баркой разбитой
90. Носишь ты на плечахъ? Конечно, не вымыслы ночи
Тотъ оплачетъ, кому преклонить меня хочется просьбой.
„Но въ размѣрахъ краса, на сырѣѣ появилась отдѣлка.
Такъ научился онъ стихъ заключать: „съ Берецинтія Аттисъ“;
И „дельфинъ, что тогда разсѣкалъ голубаго Нерей“;
95. Или: „у длиннаго мы ребро извлекли Аппеннина“.
„Битвы и мужа“, уже ль то не пѣна и вздутая корка,
Будто бы старая вѣтвь, увядшая въ пробкѣ нарощей?“
Нѣжное чтò же прочесть и шею склоняя возможно?
„Мималлонскимъ рога кривые наполнили гуломъ,

87. *Мой Ромуль*—мой римлянинъ.

89—90. Претерпѣвшіе крушеніе изображали оное и вѣшали эти картины въ храмахъ богамъ-избавителямъ или же, надѣвая ихъ на себя, просили милостыню (см. ниже, сатира VI, 32; Горация Оды, I, 5, 13—16; Ювенала, XII, 27, XIV, 302). Персій хочетъ сказать, что такой нищій не могъ бы разжалобить его изысканною пѣснью, свидѣтельствующею объ искусственности.

93. Предоставляя записнымъ филологамъ разборъ этого темнаго и спорнаго мѣста, придержимся простаго толкованія Биндера, при которомъ получается совершенно удовлетворительный смыслъ. Защищая передъ поэтомъ новѣйшую пышность вышней отдѣлки стиховъ, воображаемый противникъ приводитъ всѣмъ памятные своею безсодержательною пышностью стихи Нерона и спрашиваетъ, не является ли знаменитое начало Энеиды—„*Битвы и мужа*“—какою-то пѣной и безжизненною вѣткой на пробковомъ деревѣ въ сравненіи съ ихъ великолѣпиемъ? И когда поэтъ спрашиваетъ, чтò можно прочесть нѣжнаго, склоняя шею, противникъ снова цитуетъ ему округлые, но безсодержательные стихи того же Нерона. *Аттисъ*—одинъ изъ жрецовъ Цибелы на горѣ *Берецинтѣ*. Катуллъ (63) представляетъ судьбу этого Аттиса. Такого же рода стихотвореніе Аттисъ было сочинено Нерономъ, который публично пѣлъ его подъ звуки цитры.

94. *Нерей*—одно изъ старшихъ морскихъ божествъ, супругъ Дориды и отецъ Нереидъ. Здѣсь—вмѣсто самаго моря.

95. Аппенинскій хребетъ тянется черезъ всю Италію. При хребтѣ не трудно представить себѣ и ребро, а при вычурномъ выраженіи, вмѣсто того чтобы сказать: мы переѣхали черезъ Аппенинскій хребетъ, выразиться: мы извлекли (уничтожили) одно изъ реберъ Аппенинского хребта.

99. *Мималлонскимъ*...—въ этихъ четырехъ стихахъ изображаются подробности вакхическаго шествія. Мималлонами назывались вакханки по имени Иони-

100. И похитивъ тельца надменнаго голову, носить
Бассарида и, рысь управляя плющами, менада
Эвіа кличетъ; и ей отвѣчаетъ возвратное эхо“?
Было ль бы это, когда бъ хоть жилка отцовскаго духа
Въ насъ проживала? Слюной покрытое сверху бесильно,
105. Плаваетъ это въ устахъ, влажна и менада, и Аттисъ,
По столу онъ не стучитъ и не знаетъ, какъ ногти кусаютъ.
„Но что пользы задѣтъ угрызающей правдою ушки
Нѣжныя? Ты погляди, чтобы знатныхъ дверь не застыла
Передъ тобой; тамъ рычитъ собачья буква изъ носу“.
110. А по мнѣ, такъ впередъ пусть все окажется бѣлымъ;
Что мнѣ! Чудесны вы всѣ! Всѣ будьте вы дивомъ созданья.
Такъ ли? Вотъ здѣсь—говоришь—запрещаю я всѣмъ испраж-
няться.
Двухъ ты змѣй нарисуй: ребята, священное мѣсто,
Тутъ не мочитесь!—уйду. Трепалъ Луцилій столицу

ческой горы Мимаса, какъ онѣ же назывались бассаридами и менадами. *Эвѣй*—одно изъ именъ Вакха.

100. Намеки на выведенное Еврипидомъ преданіе о Фиванскомъ царѣ Пен-теѣ: за свое пренебреженіе къ Вакху онъ былъ растерзанъ своею матерью Ага-вою и ея сестрами Иною и Автоноей, которыя въ вакхическомъ безумствѣ преслѣдовали его какъ дичину и въ триумфѣ разносили оторванную его голову (Горація Оды, II, 19, 14—16; Проперція, III, 17, 24).

101. У поэтовъ колесница Вакха попеременно запряжена рысями или тиграми-

105. Такой плавный наборъ словъ произносится съ тѣмъ противнымъ сюсюканьемъ, которымъ до сихъ поръ щеголяютъ богатые люди дурнаго тона, и при составленіи такихъ стиховъ не встрѣчается затрудненій, при которыхъ приходится стучать по столу и грызть ногти.

109. Подъ собачьею буквой здѣсь подразумѣвается *p*, слышное въ собачьемъ рычаніи. Собесѣдникъ говоритъ о высокоумномъ отзывѣ знатнаго о смутившемъ его спокойствіе сатирикѣ.

113. *Двухъ ты змѣй нарисуй*—какъ геніевъ и охранителей мѣста. Змѣи или драконы часто въ подобномъ качествѣ являются у древнихъ; напримѣръ, драконъ, охраняющій золотое руно, змѣй въ могилѣ (Анхиза—Энеида V, 84—96). Подъ защитой такого генія мѣсто дѣлалось священнымъ и неприкосновеннымъ для оскверненія.

114. Гай *Луцилій* — римскій всадникъ, родился въ 148 г. до Р. Хр. въ Суэссѣ въ Кампаніи и умеръ 46 лѣтъ отъ роду въ 102 г. до Р. Х. въ Неаполѣ. Онъ считается основателемъ римской сатиры (Горація Сат. I, 10, 48). Другъ Сципіона Африканскаго младшаго и Лелія, онъ былъ деревенскимъ ихъ собесѣдникомъ (Горація Сат. II, 1, 71—74). До какой степени онъ былъ безпощаденъ даже по отношенію къ высоко стоящимъ людямъ своего времени, можно видѣть по многимъ уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ его тридцати книгъ.

115. Съ Лупомъ, о Муцій, тебя, и зубъ надъ ними сломилъ онъ;
Трогаетъ всякій изъянъ у друга, въ немъ смѣхъ возбуждая,
Хитрый Флаккъ, и допущенный около сердца играетъ;
Ловокъ, вздержнувши носъ, надъ народомъ онъ издѣваться:
Мнѣ-то и пикнуть не смѣть? ни явно, ни въ ямкѣ, ни разу?
120. Здѣсь зарю межъ тѣмъ: я видѣлъ, самъ видѣлъ, о, книжка.
Кто же ослиныхъ ушей не имѣетъ? и эту я тайну,
Этотъ мой смѣхъ, хотъ такой ничтожный, тебѣ не продамъ я
За Иліаду. О, ты, овѣянный дерзкимъ Кратиномъ,
Надъ Евполисомъ крутымъ и старцемъ могучимъ ты блѣдный,
125. Вотъ загляни и сюда, чего подѣльнѣй не найдешь ли.
Пусть у читателя тутъ моего разгорается ухо:
Не у того, кто готовъ посмѣяться сандаліямъ грековъ,
Грязный самъ, и сказать косому кто можетъ: раскосый,
Чѣмъ-то считая себя, потому что въ чинахъ италійскихъ,
130. Бывши эдиломъ, крушилъ онъ невѣрныя мѣрки въ Арретѣ;

115. Корнелій Лентулъ *Лупъ* былъ консуломъ въ 157 г. до Р. Х., а Публий *Муцій* Сцевола въ 133 г. *Лупъ* и *Муцій* были оба врагами Сципіона, и это могло быть одною изъ причинъ озлобленія Луцилія противъ нихъ: тѣмъ не менѣе послѣдній сломилъ надъ ними свой зубъ, то-есть, не въ силахъ былъ уцѣпить ихъ достоинства.

119. *Ни въ ямкѣ....* За подробностями, на которыя здѣсь намекаетъ поэтъ, слѣдуетъ обратиться къ Овидію (Превращ. XI, 96—193), гдѣ разказано, какъ цирюльникъ царя Мидаса, увидавъ ослиныя уши послѣдняго и чувствуя потребность разказать объ этомъ, изъ боязни опасныхъ для него сплетенъ вырылъ ямку и тихо прошепталъ въ нее: „у царя Мидаса ослиныя уши“, вновь ее зарылъ, но весною выросшій изъ ямки камышъ, шатаясь отъ вѣтра, разгласилъ эти слова по всему свѣту.

123. *За Иліаду*—Акція или другаго моднаго поэта. *Кратинъ*—аеинянинъ; умершій въ 423 г. до Р. Х. комикъ, доказывавъ свою отвагу многими дерзкими нападками на Перикла.

124. *Евполисъ*—тоже аеинянинъ, процвѣтавшій съ 446 г. до 411 г. до Р. Х.; отъ обоихъ остались только отрывки. *Старецъ могучій*, сопоставляемый Горациемъ (Сат., I, 4, 1) съ Евполисомъ и Кратиномъ,—очевидно Аристофанъ (444 г. до 380 г. до Р. Х.), прозванный старцемъ не за преклонныя лѣта, а какъ поэтъ стараго времени.

126. Поэтъ нашъ желаетъ дѣйствовать своею сатирою на читателя, но не на того не отесаннаго грязнаго патріота, который готовъ смѣяться надъ опрятнымъ костюмомъ грековъ и вообще грубо относиться къ людямъ.

129. Которые чванятся тѣмъ, что нѣкогда служили въ низкихъ полицейскихъ чинахъ.

130. *Арретъ*, нынѣ Аррецо, муниципальный городъ въ Этруріи. Эдилы обязаны были наблюдать за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ и разбивали невѣрныя глиняныя мѣрки.